

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ В СССР

...Нет, наверное, я не поэт,
и редакторы правы,
просто осень такая,
что прозу исторгнуть на свет —
все равно, что алмаз обрмить
поржавевшей оправой
или в сумке с селедкой
нести на свиданье букет.

Что творится вокруг!
Не пройти по садовой тропинке,
не поймав на ладонь
дельтапланную дольку листа!
И какой это — сад?
Это — клад золотой терапии,
где совсем не имеют значения
койко-места.

Как же смог этот мир,
как же смог этот шар судьбоносный
так и не разгадать,
так и не постараться понять
эту желтую тайну,
в миру нареченную — Осень,
эту желтую сказку
открытых для счастья пенат?

Нет, наверное, я не поэт, коль в свободной гортани так неловко словам, облеченным доверием рифм. Есть ли шанс — совладать с подступившими к сердцу годами, что прошли над страной, словно осень, ее обагрив?..

Брошу взгляд за плечо — к тем началам, где, следуя веку, моя юность сверкнула шахтерской улыбки лучом и, Звездой Золотой опустившись на лацкан Генсеку, позабыла меня, словно я ей — никто, ни при чем.

Брошу взгляд за плечо — мимо детства, чьи желтые фотки, словно желтые листья, несут в себе шифры тех дней, где, губя свои дни в беспробудной работе и водке, дожигали шахтеры себя рядом с жизнью моей.

Там вдали — силуэт... А за ним — о, какая опасность с этим взглядом столкнуться! — сойдя с лобового стекла сапогом многотонным на рабскую нашу безгласность, «вождь народов» застыл (как молва его вслух нарекла).

Там меня — еще нет. Лишь печаль над страную острожной, где, о песнях забыв, плачут в гулком саду соловьи. И какой это — сад? Это — ад, заглушающий ложью мимолетных побед бесконечные стоны свои...

Нет, наверное, я не поэт в том, что значит — от Бога, просто каждому в жизни однажды дано срифмовать строчку личной судьбы — с прошумевшей над нею эпохой, в чашу сердца ловя обагренные правдой слова.

Так бывает порой (и, скорей всего, это — не ново), когда из-под запретов, застоев, цензур, полуправды и лжи вдруг услышишь в тиши, как в тебе прорезается — Слово... Это стоит того, чтобы — нет, не витийствовать! — жить.

Это — словно любовь, что невнятна, пока *потокает*, и желанна, как воздух, едва обнаружишь: *ушла*... Может, я и молчал бы — кто знает? — да осень такая, что, не выдохнув строчку, сгоришь вместе с нею дотла...

Брошу взгляд за плечо — и увижу: на Вечной дороге, где народы прошли, остаются прочней пирамид — лишь стихи и грехи. Остальное — строка в некрологе. (Да и тот — не прочтется иль будет до срока забыт!..)

Кто же скажет: дано ль — сквозь редакторские карантинны этим рифмам пройти, чтоб в голодном на правду миру хоть кому-то помочь не убить себя в памяти сына, если жизнь оборвется, как лист на осеннем ветру?

Кто же скажет: давно ль — мы с самими собой разминулись, горизонты надежды грядую вранья заслонив?

Где ты, вера моя? Где моя рукописная юность?
Кто читает ее, уголочки страниц загнув?..

Не вернуть — ни-че-го! Так к чему ж запоздалая ценность
дней, ушедших навеки в эпохи сгоревший ломбард?
Слишком долго я слушал тебя, мой недремлющий цензор,
но и ты — не советчик, хоть с виду и мудр, и лобаст.

Что ж осталось в судьбе? Вряд ли силы найду на поэму.
Прожит возраст Христа, а в душе — уже сплошь седина.
Время морщит чело, отупев от газетных полемик,
и вздыхает, как мама: «Якбы тилькы знов нэ вийна...»

И кричат в вышине над ночными проселками гуси,
дребезжит, словно гусли, на стылом ветру голый сад.
И какой это — сад? Это — склад нераспроданной грусти,
накопившейся в мире за время дележки награды.

Брошу взгляд за плечо — и, как стая волков от кошары,
семь смертельных грехов прыгнут прочь, унося себя в ночь...
Спит во тьме пастушок. Сбились в кучу остатки отары.
Брошу взгляд за плечо... Чем еще я могу им помочь?..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ В ПЕРЕСТРОЙКУ

...Брошу взгляд за плечо. Там — в неоновом мертвом сиянье —
как муляж Афродиты над пенистым гребнем волны,
вырастает во мраке гибридное, странное зданье,
не любимой никем, мутагенной, как соя, страны.

Ветры рвут за стеной русской осени рыжие пряди,
зло колотится в окна густой атлантический град.
Век звенит, как струна, на которой повесилась Правда —
как на этой струне нам счастливые песни играть?

Время мчит над землей, как бессовестный натовский «Боинг»,
высевая, как дождь, под своим клиновидным крылом
очаги нескончаемых братоубийственных боен,
словно дымом пожарищ, по миру чадающие злом.

Мое сердце в груди до сих пор по-советски стучится,
вспоминая эпоху, в которой дышалось мне всласть.
Брошу взгляд за плечо — Боже мой, как могло так случиться,
что банкиры опять взяли в руки народную власть?

Надо честно признать: в наших бедах виновны не только
ЦРУ, «Би-Би-Си» и все те, кто топил нас во лжи.
Разве мама не плакала: «Брось ты те митинги, Колька!
Развалить все — легко. Но легко ль на развалинах жить?»

Я не слушал ее. Меня речи ораторов льстивых,
как магнитом, манили, хотя я и помнил псалом,
что блажен будет муж, не идя на совет нечестивых
и не сидя среди тех, кто сознательно дружит со злом.

Чем теперь искупить мне тот факт, что, войдя в искушение,
проморгал я беду, что клубилась вокруг, как закат?..
Брошу взгляд за плечо — и, у Бога не клянча прощенье,
пред собой и Россией скажу, не таясь: виноват!

Я, увы, не один, кто поддался речам окаянным
и не встал на защиту, страну заслоня собой.
Кто поверит теперь нашим поздним словам покаянным?
Нужно снова дружины скликать по селеньям на бой.

Вновь Отчизна стоит на пороге решающей битвы,
а в руках у меня — ни меча, ни щита, ни копья,
ни-че-го за душой, кроме этих стихов и молитвы...
Но сегодня — прозревшим гляжу на историю я!

Брошу взгляд за плечо — и увижу такое же поле
(может, небо над ним было раньше чуть-чуть голубей),
где, о боли забыв, — лишь бы вызволить Русь из неволи! —
мчит с копьём Пересвет... (А навстречу ему — Челубей.)

Новый век, как орда, к нам нагрянул по пыльной дороге,
приведя за собой в поводу и беду, и нужду.
Брошу взгляд за плечо — там застыла Россия в тревоге.
Неужели ее я бездействием вновь подведу?

Словно пальцы в кулак, я сожму свою душу для драки.
Близок миг для атаки... Пора, воевода, свисти!..
Время чертит на небе кровавые вещие знаки.
Помоги нам, Господь! Ну, а ты нас, Россия — прости.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЖИЗНЬ В РОССИИ

Брошу взгляд за плечо. Там в руинах навеки осталось
столько пройденных мною цветущих и радостных лет!
Что ж дано мне от них? Только бедная, серая старость
да поток горьких бед
и скользящий над пропастью след.

Брошу взгляд за плечо. На просторах народной державы —
как грибы после ливня, растут олигархов дворцы.
Неужель ради них пали в землю героями славы
защищавшие Родину деды и наши отцы?

Все теперь не для нас. Ни поля, ни леса и не реки.
Ни заводы, ни шахты. Ни пансионаты в Крыму.

Все, что строил народ для детей и для внуков навеки —
все ушло к толстосумам, растаяв, как дали в дыму.

Стало пусто вокруг. Нивы стали безжизненно голы.
Ни журчанья ручья не слышать, ни в саду соловья.
Где ты, милая Родина? Где мои дали и доли?
Брошу взгляд за плечо — возвратись же, Отчизна моя!

Ничего мне не надо! Ни вилл за чужими морями,
ни шикарных «роллс-ройсов», ни бешеных сумм на счету.
Лишь была бы страна, что лежит за моими дверями,
красоту нам храня и даря нам любви теплоту.

До сих пор мое сердце в груди по-советски стучится.
До сих пор душу сушит тоска, как желание пить.
И хоть больно мне было, зато — было честно и чисто.
Так смогу ль я Отчизну свою хоть на миг разлюбить?..